

О ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ДЕДУКЦИИ КАК ФОРМЕ РЕЧИ В «КРИТИКЕ ЧИСТОГО РАЗУМА»

И. Д. Коцев
(Калининградский университет)

Формы речи, как справедливо отмечает М. П. Брандес, суть, с одной стороны, формы, в которых осуществляется процесс мышления, а с другой — это формы коммуникации, в которых оформляется знание, предназначенное для адресата¹. Однако однозначного соответствия между ними нет. При разворачивании речи приходится учитывать, помимо чисто мыслительного действия, ситуацию общения, т. е. особенности предмета мысли, этапы его рассмотрения, адресата, необходимость выражения своего отношения к сообщаемому и другие факторы. Поэтому следует согласиться с Л. С. Выготским в том, что «течение и движение мысли не совпадает прямо и непосредственно с разворачиванием речи. Единицы речи и единицы мысли не совпадают. Один и другой процессы обнаруживают единство, но не тождество. Они связаны друг с другом сложными переходами, сложными превращениями...»²

Жанр философского трактата, каким является «Критика чистого разума», характеризуется формой речи, называемой обычно рассуждением. Это композиционно-речевая форма, в которой логическое мышление постигает и сообщает истину. Она состоит, как правило, из целого ряда суждений и умозаключений, относящихся к какому-либо предмету и следующих друг за другом в порядке, обеспечивающем определенный конечный результат. Рассуждение и его подвиды в «Критике чистого разума» носят яркий отпечаток индивидуальности автора, обусловленной его философской концепцией, отличительной чертой которой является, как известно, априоризм. Априорный характер носят почти все композиционно-речевые формы этого произведения, такие как экспозитивное рассуждение, метафизическое истолкование, трансцендентальная дедукция (объективная и субъективная), трансцендентальная рефлексия и др. В данной статье мы остановимся на одной из основных композиционно-речевых форм, а именно трансцендентальной дедукции. Эта форма речи представлена наиболее полно в разделе «Трансцендентальная аналитика», она является, по общему мнению кантоведов, центральным местом в «Критике...». Дело в том, что фундаментальным положением теории познания И. Канта является положение о «чистоте», т. е. невыводимости категорий мышления из эмпирического опыта, хотя они и предназначены для него. Сам Кант говорит об этом следующее: «...Было бы напрасным трудом пытаться дать их эмпирическую дедукцию, так как их отличительная черта состоит именно в том, что они относятся к своим предметам, ничего не заимствуя из опыта

для представления о них. Поэтому, если дедукция их необходима, то она всегда должна быть трансцендентальной» (3, 182). Дедуктивным рассуждением пользуется Кант также, чтобы показать объективную значимость априорных понятий, т. е. того, каким образом они приобретают статус необходимых предпосылок опытного знания, она (дедукция) показывает также ограниченность сферы их применения только опытом. Важным моментом обоснования необходимости дедукции является также чисто методическое требование Канта к критике рассудка присоединять к априорным синтетическим суждениям если не доказательство, то, по крайней мере, дедукцию правомерности подобного утверждения (3, 293). Таким образом, дедуктивная форма рассуждения обусловлена самой сущностью трансцендентального метода мышления И. Канта. Но было бы, видимо, неверно, делая акцент на синтетическом способе рассмотрения, забывать об аналитическом. Дело в том, что анализ как расчленение мыслительной способности на ее элементы с тем, чтобы вывести из них возможность априорных понятий, составляет одну из основных задач трансцендентальной философии. Здесь наблюдается, если можно так выразиться, определенная специализация: аналитический способ рассмотрения относится к субъективному аспекту рассуждения, являясь средством обнаружения все более глубоких источников синтезирующей способности субъекта, а синтетический способ служит средством доказательства правомерности и объективной значимости данных субъективных форм как необходимых условий познания. Таким образом, текст строится как последовательная аналитическая процедура обнаружения субъективных предпосылок априорного мышления с последующим обоснованием с помощью трансцендентальной дедукции возможности их априорного применения к предметам опыта.

Следует отметить, что в плане композиции трансцендентальной дедукции как форме речи предшествуют, как правило, более частные речемыслительные формы, такие как экспозитивное рассуждение (*expositio*), в котором дается вкратце все то, что необходимо относится к одному понятию. Если это понятие дается как априорное, то необходимо его метафизическое истолкование (*metaphysische Erörterung*). Далее по порядку следует обычно трансцендентальное истолкование (*transzendente Erörterung*), которое рассматривает понятие, по определению самого Канта, как принцип, из которого могут быть выведены другие понятия. Поскольку эти понятия представляют собой субъективные формы, то встает вопрос, каким образом эти субъективные формы могут стать формами самого предмета? На этот вопрос отвечает трансцендентальная дедукция понятий³. Именно такая композиция построения текста наблюдается, например, в «Трансцендентальной эстетике». В «Трансцендентальной аналитике» перед трансцендентальной дедукцией

дается, кроме того, дедукция метафизическая (*metaphysische Deduktion*), показывающая, что функции рассудка и его категории в целом совпадают с формально-логическими функциями их в суждениях и могут быть выведены из них (§ 7—12).

Переход к трансцендентальной дедукции совершается лишь в § 14, так что трансцендентальная дедукция, как таковая, представлена в § 15—27. В кантоведческой литературе отмечается, что дедукция совершается здесь в два этапа. На первом (§ 15—21) показывается субъективная действительность и объективная значимость категорий рассудка: то, что мы называем самосознанием, оказывается в конечном счете нашей понятийной способностью к синтезу данного чувственного многообразия. Во второй части (§ 22—27) Кант показывает, что категории с необходимостью соотносятся с явлениями, которые мы в совокупности называем природой⁴. Впрочем, существует и другое мнение, согласно которому данные тексты обеих редакций настолько темны, а аргументация столь непоследовательна, что, несмотря на все усилия, в кантоведении до сих пор нет единства во взглядах относительно метода и структуры трансцендентальной дедукции⁵. Нельзя все же отрицать, как нам представляется, что основная цель текста трансцендентальной дедукции — показать, что возможность и единство эмпирического знания и в конечном счете природы является следствием субъективного (трансцендентального) единства самосознания, которое получает тем самым объективное значение. Таким образом, субъективная форма оказывается условием получения объективного содержания и сама поэтому является содержательной.

Хотя в данном разделе речь идет о логике трансцендентальной, ее поверхностная и текстовая репрезентация строится по правилам логики формальной. Это, в общем, понятно, потому что, как указывает И. С. Нарский, «...трансцендентальная логика не имеет никакого иного, помимо традиционного, логического аппарата своего построения и совершенствования..., она использует для построения трансцендентальной аналитики содержательные возможности именно этого аппарата»⁶. Тем более это можно отнести к языку и сказать, что у трансцендентальной дедукции нет другого средства сообщить о себе, кроме языка. Впрочем, к языку Кант относился более благосклонно, чем к формальной логике, признавая в определенной мере возможность выведения из него трансцендентальной грамматики и семантики. Но так как язык для Канта является всего лишь эмпирической системой знаков-символов, правомерность их должна быть обоснована с помощью полной таблицы трансцендентальных категорий; только в трансцендентально обоснованном языковом употреблении слова как символы философского познания могут служить средством обозначения общих понятий. Максима сохранения разума требует поэтому от априорного

рассудка постоянных усилий, чтобы, исходя из понимания системы категорий и умения применять их, предотвращать результаты ложной символической деятельности языка в сфере метафизики⁷.

Тем не менее Кант неоднократно отмечает и, в частности, в тексте своей главной «Критики...» трансцендентальный характер словоупотребления и синтаксиса языка. Так, слово *Einbildung* содержит уже в себе указание на синтезирующую способность субъекта, так как означает «приводить к единому виду (образу)»; слово *Begriff* означает «схватывание (объединение) многообразного в одно»; наречие *objektiv* означает «связано в объекте»; связка «*sein*» указывает на объективность связи понятий в суждении, что они принадлежат друг другу в силу необходимого единства апперцепции. Однако в целом в языке, по Канту, трансцендентальное содержание не образует системы. Но вернемся к тексту.

Концептуальная структура текста трансцендентальной дедукции (об этом было замечено ранее) весьма сложна для понимания.

Прежде всего сам термин «трансцендентальная дедукция» начинает употребляться Кантом лишь в «Трансцендентальной аналитике», хотя как форма изложения и текстообразования она дана уже в «Трансцендентальной эстетике». Так, в «Аналитике» Кант говорит буквально следующее: «Выше (в «Трансцендентальной эстетике») мы с помощью *трансцендентальной дедукции* проследили понятия пространства и времени вплоть до их источников и объяснили и определили их объективную значимость» (3, 183). Можно поэтому сказать, что, точно так же, как в «Аналитике» показана объективная значимость субъективных условий мышления, точно так же в «Эстетике» показана объективная значимость субъективных условий созерцания как чистых форм чувственности. Таким образом, оба раздела имеют идентичную коммуникативную установку — дать дедукцию априорных понятий пространства и времени и соответственно категорий как чистых форм в их применении познающим рассудком и чувственностью к предметам опыта. Исходя из того, что в «Эстетике» Кант не употребляет термин «трансцендентальная дедукция» (хотя дает ее фактически), а употребляет другие термины, а именно: «экспозиция», «метафизическое истолкование», «трансцендентальное истолкование», — можно предположить, что это более частные подвиды одной речевой формы, называемой трансцендентальной дедукцией, и эти подвиды речи имеют место также и в «Аналитике». Действительно, сопоставление обоих корпусов текста показывает, что если принять во внимание определения, даваемые Кантом экспозиции, метафизическому истолкованию и трансцендентальному истолкованию (см. с. 40), то в тексте «Аналитики» можно обнаружить параграфы, где эти формы представлены. По нашему

мнению, структура текста «Аналитики» (ее первая часть) имеет следующий вид:

§ 5—8 — экспозитивное рассуждение к понятию «Аналитики» и метафизической дедукции.

§ 9—12 — метафизическая дедукция, показывающая происхождение априорных понятий из общих логических функций мышления. Этой формы речи нет в «Эстетике», так как там дискурсивность пространства и времени опровергается.

§ 13—14 — экспозитивное рассуждение к трансцендентальной дедукции, содержащее все, что необходимо относится к ее понятию.

§ 15—16 — метафизическое истолкование, т. е. показывается априорность понятий связи и синтеза (в «Эстетике» аналогично доказывается априорность пространства и времени).

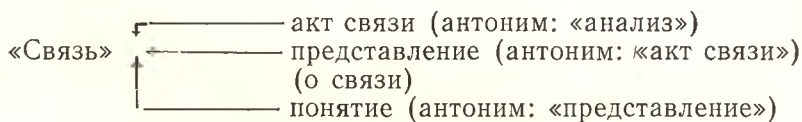
§ 17—19 — трансцендентальное истолкование выводов из доказанного в § 16 принципа «первоначального синтетического единства апперцепции» и их обоснование (аналогично тому, как это делается в «Эстетике» по отношению к пространству и времени, — § 3, 5).

§ 20—27 — трансцендентальная дедукция как таковая. Причем в § 20—25 дается один этап дедукции, т. е. объясняется возможность категорий как априорных знаний о предметах созерцаний вообще, а в § 26, 27 — следующий этап: обсуждается возможность познавать с помощью категорий все предметы, способные являться нашим чувствам, но уже по законам их связи.

Таким образом, в целом, по нашему мнению, трансцендентальная дедукция совершается в «Аналитике» в три этапа: § 15—19 — первый, § 20—25 — второй, § 26—27 — третий, — а не в два, как полагают некоторые авторы⁸. При этом второй и третий этапы представляют собой дедукцию в узком смысле, которую Кант определяет как «объяснение того, каким образом понятия могут а priori относиться к предметам...» (3, 182), а вместе с первым этапом они составляют дедукцию в широком смысле, определение которой дается Кантом в кратком резюме к трансцендентальной дедукции, включающей в себя, помимо доказательства необходимого отношения категорий к предметам опыта, показ их как принципов возможности опыта вообще⁹. Сложность концептуальной структуры трансцендентальной дедукции проистекает, в частности, от того, что многие слова в тексте взяты не в строго терминологическом значении, они многозначны.

По мнению некоторых авторов, это объясняется тем, что в тексте переплетены различные аспекты рассмотрения предмета: феноменологический, субъективно-онтологический, логико-аналитический¹⁰. В начале трансцендентальной дедукции (§ 15—16) Кант, объединив рассудок и чувственность в «Трансцендентальной эстетике», пытается вывести (дедудировать) их

связь из единства самосознания, которое подводит к определению этой самой высшей инстанции синтетического единства всех априорных представлений. Анализ начинается с понятия связи (*Verbindung*) и ассоциированных с ним понятий многообразного и синтеза (*Mannigfaltiges* и *Synthese*). Слово «связь» имеет в тексте, во-первых, значение продукта спонтанной деятельности рассудка, т. е. связь как акт синтетической деятельности субъекта (*Verstandeshandlung*). В этом значении антонимом к данному слову выступает слово «анализ», однако синтез предшествует анализу генетически (по Канту). Связь есть, во-вторых, представление об акте связи. В этом случае слова «связь» и «представление» образуют синонимы. Поскольку представление может означать и «чувственное представление», каким связь не является, то для обозначения именно абстрактного аспекта связи, связи как понятия, Кант употребляет слово «Begriff». Связь как понятие есть «представление синтетического единства многообразного». Таким образом, мы имеем три значения этого слова и соответственно три оппозиции:

В таких же значениях даны в тексте и слова «многообразное» и «синтез». Далее наблюдается следующая тонкость перехода на априорный уровень анализа с эмпирического: связь как понятие влечет за собой, помимо понятий многообразного и синтеза этого многообразного, еще и понятие единства. Однако связь как представление не ведет к представлению единства, а, напротив, представление единства делает возможным само понятие связи. С введением в текст понятия единства происходит таким образом переход на априорный уровень анализа (уровень эмпирического сознания оставляется). Здесь следует отметить особую многозначность слова «представление». Это обусловлено, видимо, особой синтаксической функцией его в речи: будучи родовым понятием, оно служит посредником в дефинициях других, более частных понятий. Как показал Хинтикка, слово «представление» употребляется Кантом в следующих значениях: чувственного представления, ощущения, познания, созерцания и понятия¹¹. К этому можно было бы добавить еще употребление этого слова в значении «сознание» (единое представление); ментальный акт «я мыслю» также является представлением, сопровождающим все другие представления субъекта (представление-самосознание). Тем самым термин «представление» покрывает своими текстовыми значениями все психологическое пространство субъекта, как чувственное, так и априорное. Как отмечалось выше, текст трансцендентальной

дедукции разбит на параграфы, различные по объему и структуре. Параграфы 15—19 образуют определенное тематическое единство в том смысле, что в них совершается первый этап дедукции, а именно: из единства самосознания выводится единство чувственных представлений рассудка. Далее обсуждаются следствия из принципа трансцендентального единства самосознания для рассудка в его логическом применении, а именно: данный принцип является высшим принципом применения рассудка (§ 17), условием конструирования понятия трансцендентального объекта (§ 18) и объективной значимости функций категорий рассудка в суждениях (объективность формы суждения — § 19). Как видно, композиция этого фрагмента текста строится по антецедентно-консеквентному принципу: § 14—16 представляет собой текстовый антецедент, а § 17—19 — текстовый консеквент. Главной посылкой, доказываемой в антецеденте, является тезис о том, что все многообразие представлений субъекта должно с необходимостью мыслиться как принадлежность одного единого сознания субъекта в представлении «я мыслю». В консеквентных параграфах доказываются и обосновываются не столь очевидные для читателя следствия из этого принципа для практики трансцендентального мышления и познания. Естественно, что основной формой доказательства посылок и следствий из них является категорический силлогизм. Он лежит в основе композиции многих параграфов трансцендентальной дедукции или представляет их основную, рематическую часть.

В качестве примера можно взять § 16. Его силлогизм состоит из следующих посылок:

1. «Должно быть возможно, чтобы «я мыслю» сопровождало все мои представления...»

2. «Представление, которое может быть дано до всякого мышления, называется созерцаемым».

3. И вывод: «Все многообразное в созерцании имеет, следовательно, необходимое отношение к представлению «я мыслю» в том субъекте, в котором это многообразие находится» (З, 191).

Первая посылка получает еще дополнительное обоснование в тексте, так что фактически это посылка-текст. Посылки-тексты вообще (также тексты-выводы) характерны для трансцендентальной дедукции. Ярким примером текстового категорического силлогизма является второй абзац § 17. Предметом доказательства здесь оказался тезис о том, что единство сознания является условием возможности рассудочного мышления: «Рассудок есть, вообще говоря, способность к знаниям. Знание заключается в определенном отношении данных представлений к объекту. Объект есть то, в понятии чего объединено многообразное, схватываемое данным созерцанием. Но всякое объединение представлений требует единства сознания в синтезе

их. Таким образом, единство сознания есть то, что составляет одно лишь отношение представлений к предмету, стало быть, их объективную значимость, следовательно, превращение их в знание; на этом единстве основывается сама возможность рас-судка» (3, 195).

Состав первой посылки представляет собой ряд следующих друг за другом в строгой логической последовательности определений. При этом предикат каждого предыдущего суждения становится субъектом последующего, так что с точки зрения коммуникативного членения эта посылка-текст строится по принципу тематизации предиката. Такой же текстовой характер носит и вывод, так как он повторяет, только в аподиктическом ключе, содержание посылок-суждений.

Большое значение в обосновании трансцендентальных положений имеет такой фактор, как ретроспекция. Функция ретроспекции в тексте состоит в данном случае в том, что она позволяет строить последующее доказательство, опираясь на уже доказанные ранее положения как на факты. Показательным в этом отношении является § 20. Здесь первая (большая) и вторая посылки представляют собой выводы из предыдущих параграфов (§ 17, и 19). Этот вид текстового силлогизма можно было бы назвать ретроспективно-категорическим.

Большую роль играют в тексте трансцендентальной дедукции так называемые метатекстовые слова и выражения — «мета-организаторы» текста¹². Функция этих слов состоит в том, что они служат логическими константами, вводящими и сигнализирующими различные по функции фрагменты текста. Так, текстовый союз *depp* вводит обоснование, *also, daher, demnach, folglich* — выводы; *nämlich* — конкретизирующие моменты; *so* — вводит пояснение, *d. i.* («то есть») сигнализирует перифраз, или уточнение, и др. Эти слова образуют гибкий логико-семантический каркас, узловые пункты, расстояние между которыми заполняется текстовой материей. Различные комбинации этих логических констант обуславливают различную структуру текста, его интеграцию и членение. Размеры статьи не позволяют остановиться на других композиционно-речевых формах, представленных в «Критике чистого разума» и лишь упомянутых в данной статье, но это уже может быть темой следующего этапа анализа текста И. Канта.

¹ Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. М., 1983. С. 57.

² Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Л., 1934. С. 311.

³ Holger van den Boom. Transzendentalität und Analytizität: Studien zur Kritik der reinen Sprache im Umkreis einer Logisch-philosophischen Pro-pädeutik. Köln, 1974. S. 168.

⁴ Grayeff F. Deutung und Darstellung der theoretischen Philosophie Kants: Ein Kommentar zu den grundlegenden Teilen der «Kritik der reinen Vernunft». Hamburg, 1977. S. 151.

⁵ Aschenberg R. Sprachanalyse und Transzendentalphilosophie. Klett-Cotta, 1982. Bd. 5. S. 125.

⁶ Нарский И. С. Диалектика в проблематике трансцендентальной аналитики И. Канта//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1984. Вып. 9. С. 6.

⁷ Reschermann A. Sprache und Metaphysik. München, 1979. S. 40.

⁸ Aschenberg R. Op. cit.; Grayeff F. Ebenda. Hamburg, 1977.

⁹ В этой связи следует отметить, что перевод этого места в третьем томе сочинений И. Канта дан не совсем верно. Поэтому мы предлагаем свой перевод, а именно: «Она (дедукция) есть демонстрация чистых понятий рассудка (а вместе с тем и всякого теоретического знания а priori) как принципов возможности опыта, их же как определяющих явления в пространстве и времени вообще, а также демонстрация их из принципа первоначального синтетического единства апперцепции как формы рассудка по отношению к пространству и времени как первоначальным формам чувственности». Этот вариант, как нам кажется, более соответствует сути дела, обсуждаемой в трансцендентальной дедукции.

¹⁰ Aschenberg R. Op. cit. S. 129.

¹¹ Hintikka J. On Kant's Notion of Intuition. London, 1981.

¹² Вержбицка А. Метатекст в тексте//Новое в зарубежной лингвистике. М.: Наука, 1978.

О ЛОГИКЕ АРГУМЕНТАЦИИ В «ОСНОВАХ МЕТАФИЗИКИ ПРАВСТВЕННОСТИ» И. КАНТА

В. М. Сергеев
(Институт США и Канады АН СССР)

В настоящее время не существует недостатка в работах, посвященных анализу философии Канта. Даже по отдельным темам, поднимавшимся в его трудах, можно собрать библиотеку критической и аналитической литературы. Философская аргументация Канта, посвященная обоснованию метафизики нравственности, изучена во многих блестяще написанных работах. Стоит ли еще раз, а тем более в небольшой заметке обращаться к этому вопросу?

Это зависит от целей работы и от постановки проблемы. Можно изучать этические тексты Канта, вскрывая смысл используемых им категорий¹, можно рассматривать его философию в контексте историко-философского развития², можно, наконец, исследовать место идей Канта в рамках процессов генезиса общественно-правового сознания в Европе нового времени³. Фундаментально важным представляется исследование концептуальных предпосылок, «парадигм» философии Канта⁴. Существует и множество других аспектов изучения наследия Канта. В данной работе мы хотели бы обратить внимание на один из них, до настоящего времени очень слабо освещенный в литературе.

Какими были внутренние логические инструменты Канта? Каковы те принципы *металогики*, которые лежали в основе построения Кантом аргументативного дискурса⁵? Эта проблема слабо изучена, прежде всего, потому, что сам вопрос о принципах логики аргументации, или, если говорить шире, о «естест-